

© 2025 г. Т.И. ТРОШИНА, О.М. МОРОЗОВА

КЛОМПЫ ИЗ РУССКОЙ ДРЕВЕСИНЫ: ГОЛЛАНДСКИЕ КОНЦЕССИОНЕРЫ И ЛЕСНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е годы

Трошина Татьяна Игоревна — доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова; Северный государственный медицинский университет (Архангельск, Россия).

E-mail: t.troshina@narfu.ru

ORCID: 0000-0001-5517-5949

Морозова Ольга Михайловна — доктор исторических наук, профессор Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия).

E-mail: olgafrust@gmail.com

Scopus Author ID: 55508274300; ORCID: 0000-0001-8232-8189; Researcher ID: Q-9621-2016

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России» № 22-18-20061.

Аннотация. Инвестиции в экономику других стран были традиционной формой экспорта Голландии, которая, оставаясь старой колониальной державой, уже с XVIII в. стала довольствоваться умеренной, но регулярной прибылью от непрерывного вложения во внешнеторговые операции. Нейтральный статус страны в период Первой мировой войны обещал ей преференции от участия в восстановлении разрушенных войной европейских экономик. Вместе с тем Голландия относилась к тем государствам, которые негативно расценивали достаточно выгодные концессионные предложения Советской России. В статье, построенной на большом объеме разноплановых опубликованных и архивных источников, рассматривается неудачный опыт частной инициативы голландской лесопромышленной компании по участию в совместном с советским трестом концессионном предприятии. История акционерного общества «Русголландлес» достаточно хорошо известна, но до сих пор нет общей оценки его участия в восстановлении лесной промышленности СССР, нет и более или менее обоснованного объяснения причин прекращения концессионной деятельности голландцев на европейском севере Советской России. Авторы предлагают свой взгляд на эти вопросы, анализируя международный аспект деятельности советско-голландского предприятия, которые влияли на экономические результаты «Русголландлеса», наряду с конфликтом интересов между ожиданиями советской стороны и истинными мотивами нидерландских концессионеров.

Ключевые слова: СССР, Нидерланды, внешнеэкономические связи, новая экономическая политика, европейский север России, лесная промышленность, лес, экспорт, концессии, Главный концессионный комитет, «Альциус и Ко», «Руснорвеголес», «Северолес».

T.I. Troshina, O.M. Morozova

Russian Wood Clomps: Dutch Concessionaires and the Timber Industry in Soviet Russia in the 1920s

Tatiana Troshina, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; Northern State Medical University (Arkhangelsk, Russia).

E-mail: t.troshina@narfu.ru

ORCID: 0000-0001-5517-5949

Olga Morozova, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia).

E-mail: olgafrost@gmail.com

Scopus Author ID: 55508274300; ORCID: 0000-0001-8232-8189; Researcher ID: Q-9621-2016

Russian Science Foundation, Project № 22-18-20061 ("Foreign Concessions in Arkhangelsk Province: Regional Experience of Foreign Economic Contacts in the Conditions of Soviet Russia's Isolation").

Abstract. Investment in the economies of other countries was the traditional form of Dutch export. As an old colonial power, the Netherlands had, since the eighteenth century, become accustomed to reaping moderate but regular profits from continuously investing in foreign commercial enterprises. The country's neutral status during the Great War promised it preferential treatment when it came to participating in the reconstruction of war-torn European economies. At the same time, the Netherlands belonged to the group of countries that responded negatively to the rather favourable concessions offered by Soviet Russia. Drawing on a wide range of published and archival sources, the article examines the unsuccessful experience of a Dutch timber company's private initiative to participate in a joint concession venture with the Soviet Trust. The history of the joint-stock company "Rusgollandles" is quite well-known, but there is still no comprehensive assessment of its participation in the restoration of the USSR wood industry, and there is no reasonable explanation as to the reasons for the termination of the concession activities of the Dutch in the European North of Soviet Russia. In addition to the conflict of interest between the expectations of the Soviet side and the real motives of the Dutch concessionaires, the authors analyse the international aspect of the Soviet-Dutch enterprise, which influenced the economic results of "Rusgollandles".

Keywords: USSR, the Netherlands, foreign economic relations, 1920s, new economic policy, European north of Russia, timber industry, forest, exports, concessions, Main Concession Committee, Alcius Heirs & Co, Rusnorvegoles, Severoles.

«Будет экспорт — будет валюта, а значит, будет все!»¹ — такие ожидания были у советских хозяйственников после Гражданской войны. Невзирая на организованную против России блокаду, капиталисты, по мнению В.И. Ленина, ради получения прибыли начнут оказывать давление на свои правительства, требуя признания Советского государства для восстановления торговых связей. Насколько верны были прогнозы вождя революции, иллюстрирует история отношений СССР с небольшой, но важной европейской страной в 1920-е годы.

Объявив нейтралитет, Нидерланды не участвовали в Первой мировой войне. Голландская буржуазия получила прибыли от поставок продовольствия обеим воюющим группам стран. В то же время общее экономическое положение государства резко ухудшилось, поскольку оно было отрезано от своих колоний — основных источников сырья и главных рынков сбыта. Послевоенная инфляция требовала спасения приобретенных капиталов путем вложения в прибыльное дело. Инвестиции в экономику других стран были традиционной формой экспорта Нидерландов — старой колониальной державы. Потомки пионеров заморской торговли носителей «пионерской закваски» довольствовались умеренной,

¹ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 369. Оп. 1. Д. 36. Л. 11.

но регулярной прибылью от непрерывного инвестирования в торговые операции: «Иностранцы все больше говорят о бросающейся в глаза бережливости и осторожности голландцев. Отныне нидерландский торговый капитал по большей части стал суммой бесчисленных малых прибылей»².

Голландские компании мирового уровня не пришли в СССР, хотя и делали попытки такого рода. Глава электротехнической фирмы Philips, будучи дальним родственником К. Маркса, заявил о своем принципиальном намерении присутствовать в Советской России, но сотрудничество не случилось³.

В отличие от других иностранных коммерсантов в СССР голландские не находились под покровительством своих дипломатических представительств⁴. По словам заместителя наркома иностранных дел РСФСР М.М. Литвинова, Голландия оставалась «одной из немногих европейских стран, упорно уклонявшихся... не только от заключения какого бы то ни было... соглашения с Советским правительством, но даже от... официальных переговоров»⁵. Столь длительное отсутствие контактов на политическом и дипломатическом уровне между странами никак не комментируется историками. Вероятно, объяснение нужно искать в национальной стратегии обеспечения стабильности на основе концепции пиллиризации (от pillar – столб) А. Кёйпера. Имелись в виду основные «столбы» общества – доминирующие группы, консолидирующиеся на духовно-политической основе. В Голландии это были четыре конфессиональных и светских политических блока: католиков, протестантов, социалистов и либералов. Публичная политическая жизнь в государстве протекала в форме соглашений на основе признания ценности преемственности и стабильности, хотя на практике это выражалось в сменах кабинетов и регулярном реформировании межпартийных коалиций. В противовес соглашениям протестантов и либералов стал оформляться блок социал-демократов и католиков. Когда в связи с волнениями в армии 11 ноября 1918 г. лидер СДРП Нидерландов П.Й. Трульстра объявил о прекращении партийного соглашения о сплочении нации на время войны и призвал к социальной революции путем ненасильственных действий против слабого, по оценке политика, буржуазного правительства (германофила Трульстру подвиг к этому пример Ноябрьской революции в Германии), он не был поддержан ни рабочими, ни руководством своей партии, которая заявила о своей верности правительству⁶.

Опасаясь революции, правительство стало искать новые формы обеспечения классового мира. Во внешней политике оно проводило курс следования нейтралитету, во внутренней – режим экономии за счет сокращения социальных расходов⁷. Поддержка Коминтерном случавшихся протестных акций вызывала опасения у политического истеблишмента страны.

По утверждению английского историка П. Джонсона, Британия, Бельгия и Голландия образовали фритредерский тип поведения государства по отношению к деятельности национальных капиталов на внешних рынках в противоположность протекционистским Франции, Италии, Португалии и Америке⁸. Но это положение ставится под сомнение голландскими экономистами, противопоставляющими экономический курс своей страны британской экономике как протекционистской и меркантилистской⁹. Тем не менее

² Геерт М. Нидерланды. Каприз истории / пер. с нидерл. А.К. Игнатенко. М., 2013. С. 89.

³ Филипс (Philips) – история успеха крупного международного концерна // URL: <https://reporter.by/biznes/philips-philips-istoriya-uspeha-krupnogo-mezhdunarodnogo-koncerna> (дата обращения: 10.06.2024).

⁴ Правительство Нидерландов «в изгнании» признало Советский Союз лишь 10 июля 1942 г. в знак приверженности лагерю противников оси Рим – Берлин – Токио.

⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1963. С. 22–25.

⁶ Бауман Г.Г. Рабочее и социалистическое движение в Нидерландах (1861–1918). Ростов-на-Дону, 1975.

⁷ Сидоренко Л.В. История малых стран Европы. Учебное пособие. Ч. 1. Государства Бенилюкса (Нидерланды, Бельгия, Люксембург). СПб., 2014. С. 30–31.

⁸ Джонсон П. Современность: мир с двадцатых по девяностые годы. Т. I. М., 1995.

⁹ Griffiths R.T., Jong J. de. De maat genomen // De Nederlandse economie in de negentiende eeuw. Bijdragen en Mededelingen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden. 2002. D. 117. № 3. P. 357.

частный капитал Нидерландов активно выходил на внешний рынок, занимая лидерские позиции по размерам заграничных капиталовложений¹⁰.

По оценке национальной статистики Голландии, в 1920-х годах экспорт, потребление и частные инвестиции росли на несколько процентов в год. Это сопровождалось быстрым ростом промышленного производства, расширением его масштабов и модернизацией, шла активная рационализация производства, а производительность труда росла.

Эти экономические характеристики плюс политический нейтралитет привлекали внимание советских политиков, вселяя надежду на успешные контакты. В сопроводительной записке Главного концессионного комитета (Главконцесском) к отчету за 1925/26 г. Голландия указывается в качестве «одной из немногих в Европе стран дешевого избыточного капитала», что заставляет ждать интереса к вложениям в экономику СССР¹¹.

Расчет был и на глубокие корни российско-голландских отношений на Европейском Севере. В начале XX в. это были преимущественно торговые операции: Голландия находилась на третьем месте (после Англии и Германии) по импорту русского леса¹². Что касается инвестиций, то голландцы занимали четвертую строку (после Англии, Швеции и Франции) в списке немногочисленных инвесторов в лесопиление и деревообработку¹³, участвуя в этих в целом незначительных вливаниях с 8,1%.

СССР был заинтересован в связях с Нидерландами как транспортным узлом и финансовым центром, ориентированным на внешние инвестиции. В 1920 г. советское правительство предлагало проект русско-голландского синдиката для закупки товаров для России под залог золотом на сумму 10 млн гульденов, голландцами отвергнутый¹⁴. Нидерланды, специализируясь на экспорте капитала и инвестируя в экономику других стран, в Россию не шла. Более того, присутствие Советского государства на международных площадках ими не приветствовалось. В 1922 г. на Гаагской конференции по финансово-экономическим вопросам по настоянию главы англо-голландской компании Royal Dutch Shell государственная делегация Нидерландов всячески способствовала срыву переговоров с Россией. В резолюции конференции была сформулирована тактика «концессионного бойкота», предполагающая, «чтобы все правительства не поддерживали своих подданных в их попытках приобрести в России имущество, ранее принадлежавшее иностранным подданным и конфискованное после 7 ноября 1917 г.»¹⁵.

Негативное отношение Голландии к экономическим проектам в России подтверждает статистика. Доля страны в числе поданных заявок в 1921–1928 гг. – 1,9% (42 из 2245). Ее доля в количестве заключенных договоров в 1921–1928 гг. – 1,2% (2 из 167)¹⁶. Внутренняя политическая атмосфера влияла даже на этот узкий сегмент внешнеэкономической деятельности Нидерландов.

Тактика социального мира на основе конфессиональной общности дала неожиданный эффект в виде появления проектов сельскохозяйственных предприятий для поддержки живших компактно на территории России меннонитов.

В 1925 г. голландцами был предложен проект мелиорационного предприятия «Голландия – Россия» с целью осушения кубанских плавней, однако условия не устроили Северокавказское земельное управление¹⁷. В июне 1925 г. был реализован проект в форме

¹⁰ Сидоренко Л.В. Указ. соч. С. 31.

¹¹ Иностранные концессии в СССР (1920–1930). Документы и материалы. М., 2005. С. 264–265.

¹² Фаас В.В. Лесной экспорт СССР // Труды по лесному опытному делу. Вып. 1 (LXXV). Л., 1929. С. 129.

¹³ Иностранные капиталы в лесной промышленности // Лесопромышленное дело. 1922. № 3–4. С. 18.

¹⁴ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 413. Оп. 2. Д. 329. Л. 3; Д. 325. Л. 65, 26–28.

¹⁵ Гаагская конференция (1922). [Полный стенографический отчет]. Собрание документов. М., 1922. С. 200.

¹⁶ Иностранные концессии в СССР... С. 322–323.

¹⁷ Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. 8350. Оп. 4. Д. 497. Л. 138; Государственный архив Ростовской области. Ф. р-1390. Оп. 11. Д. 85; 197.

концессии некоммерческого характера «Голландия – Украина». Учредителем выступил сельскохозяйственный синдикат «Виллинк»¹⁸, одной из уставных задач которого была помощь «рассеянным меннонитам». Аграрная сфера Голландии в 1920-е годы отличалась современным на тот момент техническим оснащением, высокой товаризацией аграрной продукции. Передачу этого опыта местным колонистам и ставил своей целью голландский синдикат. Финансировалась концессия, созданная в месте компактного проживания колонистов-меннонитов на территории бывшего Молочанского меннонитского округа, на средства, собранные Голландской меннонитской помощью, находившейся под патронажем протестантской политической партии в Нидерландах.

Центральная усадьба располагалась в селе Орлово Мелитопольского округа Екатеринославской губернии¹⁹, где в 1922–1924 гг. находилось «интернациональное меннонитское кооперативное объединение» «Союз потомков голландских выходцев на Украине». Пользуясь привилегированным положением как кооператив трудящихся-земледельцев, союз с разрешения властей мог получать финансово-техническую помощь из-за рубежа.

Под концессию было отведено 1,7 тыс. десятин земли сроком на 12 лет. Руководителем предприятия был представитель известной голландской меннонитской семьи Р. Виллинк²⁰. Инвестированный капитал составлял 273 тыс. руб. В техническое оснащение (тракторы, плуги, бороны, уборочные машины, автомобили) было вложено 49,6 тыс. руб. Это наименьший показатель из четырех действовавших в СССР иностранных концессий сельскохозяйственного профиля. Небольшими были и цифры по производству и реализации продукции. Деятельность общества была убыточной; доходы правительства от концессии – незначительны²¹.

Главконцеском, видимо, воспринимал эту концессию в качестве нетипичного объекта и не отслеживал ее деятельность, ограничиваясь в отчетах перед правительством лишь общими сведениями²². После состоявшейся осенью 1929 г. в связи с задержкой расчета забастовки батраков приступили к ликвидации концессии²³; вместо нее был создан совхоз.

Лесная промышленность выступила флагманской отраслью в советской концессионной программе. Председатель Главконцескома Г.Л. Пятаков считал, что «лесное дело является одним из тех дел, к которому мы без колебаний и весьма охотно допускаем иностранного концессионера. ...Наибольшее внимание концессионеров привлекает северный край европейской России, представляющий большие удобства для вывоза в главные потребляющие страны, и где европейский капитал начал обосновываться еще до войны»²⁴.

Концессионные договоры приветствовались и на местах в связи с необходимостью восстановления промышленных мощностей, подъема занятости. По оценкам, Архангельская губерния — это «80% лесистости, в некоторых уездах до 97,5%, около половины неземледельческих занятий, 12 тыс. рабочих на заводах»²⁵ и около 22 тыс. крестьян (только в Архангельской губернии), занятых на заготовках, вывозе и сплаве леса²⁶. Для малозаселенной губернии это была существенная сфера экономической деятельности.

До революции голландцам принадлежало четыре лесопромышленные фирмы; три из них занимались заготовкой и экспортом леса. Вологодское лесопромышленное общество (с капиталом 1 млн руб.) и АО «Северорусские лесопильные заводы» (500 тыс. руб.)

¹⁸ Иностранные концессии в СССР... С. 361.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 497. Л. 144.

²⁰ Ostasheva N. V. Die südkrainischen Mennoniten auf der Suche nach einem "dritten", genossenschaftlichen Weg 1921–1926 // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. 1995. № 5. P. 38–53.

²¹ Иностранные концессии в СССР... С. 233, 469–470.

²² Булатов В. В., Загоруйко М. М. «Некапиталистические» иностранные концессии в СССР // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 55.

²³ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 499. Л. 197.

²⁴ Пятаков Г. Л. Концессионная политика в лесном деле // Лесопромышленное дело. 1923. № 5–6. С. 5–6.

²⁵ ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 274. Л. 1.

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 31. Д. 1. Л. 1 об.

действовали на основании русских уставов; их акции на амстердамской бирже не котировались. При этом большая часть акций (на 800 тыс. руб. в первом предприятии и на 400 тыс. во втором) принадлежала голландским держателям²⁷. Акционерное общество лесной торговли «Альциус и К^о» было создано в 1912 г. на основании голландского устава. По своему уставному капиталу (600 тыс. голландских гульденов, т.е. 471,6 тыс. довоенных руб.) эта фирма уступала другим голландским лесопромышленным компаниям, действовавшим в России. Обществу принадлежал крупный лесопильный завод с лесной биржей в Архангельске и торговое предприятие в Амстердаме²⁸. Предприятие действовало до 1919 г. и после эвакуации интервентов было закрыто²⁹. Но покинувший Россию управляющий заводом О. Вагер продолжал получать жалование от владельцев, рассчитывавших, очевидно, на возобновление своей деятельности.

Голландское правительство не проводило протекционистскую политику в отношении национального бизнеса за рубежом, особенно в России, поэтому голландцы возвращались на русский рынок в составе международных групп. По словам директора-распорядителя советского лесопромышленного треста «Северолес» С.И. Либермана³⁰, оставившего написанные в эмиграции воспоминания, лесопромышленники Швеции, Норвегии, Голландии и Британии представляли собой закрытый клуб, выработавший внутренние правила, игнорировать которые было невозможно. Они могли блокировать всю экспортную деятельность советских ведомств.

Потенциальные концессионеры опасались, по мнению Главконцесскома, «репрессий со стороны Антанты», и «ни один крупный промышленник не считал возможным брать в концессию промышленные предприятия, не ему принадлежавшие»³¹. Поэтому важнейшим был вопрос о судьбе национализированной собственности. Вскоре стало понятно, что прежние владельцы были заинтересованы в возвращении не экспортируемых партий леса, а всего потерянного имущества. И когда была выявлена и арестована по их иску поступившая на мировой рынок древесина со старой маркировкой³², они активно пошли на контакты с находившимися за границей сотрудниками «Северолеса». В результате по соглашению сторон иск был отозван, более того — бывшие владельцы оплатили все судебные издержки³³.

Когда советское правительство запустило свою концессионную программу, готовность к сотрудничеству выразила фирма «Альциус и К^о», которая вошла в состав «Анонимного общества лесной торговли», ставшего иностранной частью концессионеров советско-голландского общества «Русголландлес»³⁴. Английская группа (бывшая фирма «Ш. Шалит») подписала аналогичный договор с советско-английским обществом «Русанглолес».

В условиях отсутствия дипломатических отношений между СССР и Нидерландами устав «Русголландлес» был зарегистрирован в Лондоне, там же находилась и контора; предполагалось, что после оформления официальных отношений между странами она переедет в Амстердам. Не всегда попытки «голландских капиталистов» получить концессию поддерживались советским правительством, для которого предпочтительнее были договоры с англичанами. Приходилось заявлять о себе как о компании с английским капиталом либо

²⁷ Иностранные капиталы в лесной промышленности... С. 18.

²⁸ Общество лесной торговли «Альциус и К^о преемники» (Амстердам). Архангельское отделение. Отчет за 1915–16 операционный год. Архангельск, 1917.

²⁹ По некоторым сведениям, голландские владельцы фирмы оформили в 1919 г. передачу прав собственности на материальную часть предприятия британскому правительству (РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1535. Л. 3).

³⁰ Либерман, Семён Исаевич (1882–1946), «невозвращенец» (1926), автор воспоминаний *Building Lenin's Russia*. New Democracy Books. New York, 1945.

³¹ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 214. Л. 18.

³² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1535. Л. 3; ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1-а Д. 381. Л. 16, 19; ГААО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 36. Л. 10.

³³ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1-а Д. 381. Л. 16.

³⁴ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 330. Л. 4.

вступать в партнерские соглашения с другими компаниями. Помимо смешанного общества «Русголландлес», «Альциус и К^о» стал соучредителем и владельцем крупного пакета акций лесопромышленной фирмы «Двиналес»³⁵ (закупавшей русскую древесину для своего мебельного бизнеса в Риге); тесно сотрудничала с «Русанглолес». В АО «Руснорвеголес» (третьем концессионном предприятии на севере России) среди иностранных акционеров были и голландцы³⁶ — та же фирма «Альциус и К^о».

Для голландцев решающим фактором стало то, что в инвестированный капитал были засчитаны значительные ликвидные фонды на сумму примерно 30 млн руб. золотом в виде экспортного товара, оставшегося на биржах национализированных лесопильных заводов³⁷. При формировании своей доли фирма завысила реальный объем капиталов, которыми располагала, объявив стоимость акций своих голландских предприятий по довоенному еще номиналу, хотя в результате финансовых потерь, понесенных за годы мировой войны, находилась в сложном положении³⁸. Советская сторона упустила из внимания этот нюанс, который спустя годы осложнит переговоры по выкупу акций.

Основным условием к иностранным акционерам было привлечение зарубежных кредитов. Препятствием стала мировая хозяйственная конъюнктура. Потенциальные инвесторы в советскую экономику не могли действовать без учета позиции американского капитала, не испытывавшего особой нужды в российском рынке, по крайней мере до середины 1920-х годов. Европейский рынок капиталов сжимался необходимостью выплат по американским займам, экономике требовалась послевоенная реконструкция.

«Северолес» брал на себя обязательства возбудить ходатайство о передаче «Русголландлесу» в аренду принадлежавшего фирме «Альциус и К^о» до национализации имущества (лесопильного завода «со всеми имеющимися оборудованиями и приспособлениями», лесной биржи, пароходов, барж, зданий), о предоставлении права на реализацию принадлежавших ранее и оставшихся на складах лесных товаров, а также «исходатайствовать» у советского правительства концессию на лесозаготовки³⁹. В лесной концессии голландцы заинтересованы не были; им важно было вывезти и продать наличную экспортную древесину. В определенной степени, лесная концессия была им навязана, поскольку именно в этом был интерес и треста, и советского правительства.

Советская сторона получала возможность реализации леса на мировом рынке и валюту для решения задач восстановления экономики. В процессе обсуждения договора Главконцеском добился от фирмы «Альциус и К^о» юридического подтверждения «ликвидации всех [ее] старых претензий к РСФСР»⁴⁰.

Концессионный договор «Русголландлеса» был утвержден Совнаркомом 27 марта 1923 г. на основе специально разработанного «нормального» концессионного договора. Концессия предоставлялась на 20 лет с возможностью продления до 49 лет при условии строительства целлюлозно-бумажных предприятий, что позволило бы перейти на безотходное производство. Плата в казну предполагалась в долевых отчислениях от выработанной продукции⁴¹.

Три первые лесные иностранные концессии («Русанглолес», «Русголландлес», «Руснорвеголес») были заключены примерно по одной форме (создавалось смешанное акционерное общество, которое получало в концессию лесные площади и в аренду свое бывшее движимое и недвижимое имущество) и имели много общего. Концессионные договоры были идентичны; составленные без достаточной проработки, они «явились несовершенно...

³⁵ Там же. Д. 1577. Л. 10, 19, 23.

³⁶ Русско-норвежское общество // Северное хозяйство. 1923. № 7. С. 106.

³⁷ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 214. Л. 14; ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 196. Л. 1; Данишевский К. Северолес // Северолес. 1922. № 1. С. 2–4; Иностранные концессии в СССР... С. 214

³⁸ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 266. Л. 9, 13.

³⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1535. Л. 2; Д. 330. Л. 4.

⁴⁰ Там же. Д. 330. Л. 20.

⁴¹ Там же. Л. 4.

неточными в формулировках»⁴², допускали двойное толкование, чем и пытались впоследствии пользоваться более опытные в подобных делах иностранные коммерсанты.

Договоры предусматривали, по существу, реституцию части прежней собственности иностранных фирм, вошедших в эти общества: принадлежавшее им ликвидное имущество было зачтено как взносы в акционерный капитал⁴³. Советские ведомства понимали, что появление прежних хозяев на национализированных производствах может иметь негативные последствия для авторитета советской власти. Выбор смешанного типа концессии объяснялся стремлением государства контролировать разработку и реализацию экспортного леса. Бывшие владельцы подозревались в намерении возместить свои потери от национализации, а затем, вырубив лучшие леса, ликвидировать свои дела под тем или иным предлогом, ибо в дальнейшем для получения прибылей будет требоваться вложение крупных капиталов⁴⁴. Это категорически не устраивало советскую сторону, заинтересованную не только в лесном экспорте, но и в технологическом развитии лесобрабатывающей промышленности.

Отчисления в советский бюджет состояли из арендной (за завод) платы и попенной — с каждого срубленного дерева. Предприятие обязано было платить все государственные и местные налоги, таможенный сбор за вывоз леса в зависимости от продажной стоимости. Если «стандарт» (определенное количество экспортной доски; примерно 4,7 кубометра) будет продан выше 15 ф. ст., со всего излишнего дохода следовало выплатить 30%. С концессионера собирались взывать определенные отчисления на проведение «колонизационных мероприятий» (т.е. на привлечение дефицитной на севере рабочей силы) и на лесоустройство, предполагающее выделение и оценку предназначенного для вырубki леса. Важным для советской стороны, но обременительным для концессионеров, было обязательство «использовать весь мертвый, горелый и сухостойный лес», вкладываясь таким образом в развитие не только механической, но и химической переработки дерева⁴⁵.

Согласно договору, советско-голландской компании было передано около 1,7 млн га леса в области Коми (по реке Вычегде, впадающей в Северную Двину) и в Красноборском лесничестве (Северо-Двинская губерния). В порядке исключения отводились «удобные» районы, где заготовка велась ими еще до революции, что давало возможность восстановить прежние связи с подрядчиками и артельщиками. Местные крестьяне были опытными лесорубами и сплавщиками; заселенность территории была относительно плотная, климатические условия позволяли жителям заниматься сельским хозяйством, что делало возможным более низкие расценки на лесозаготовках. Здесь существовала развитая речная сеть, по которой заготовленная древесина доставлялась прямо к заводам и лесным биржам Архангельска⁴⁶.

Согласно договору, половина правления акционерного общества состояла из сотрудников «Северолеса», который и выдвигал кандидатуру на должность председателя правления. Им стал Ф.Я. Рабинович, коммунист, заместитель торгпреда в Англии. Директорами-распорядителями с правом распоряжаться всеми делами общества в России были М.К. Названов (беспартийный советский специалист, коммерческий директор «Северолеса») и голландец Леонард де Фриз. После вскоре последовавшей смерти де Фриза, его должность занял О.О. Вагер.

Голландцы взяли за дело активно. В Архангельск были завезены продовольствие и орудия труда, чтобы незамедлительно приступить к лесозаготовкам. Несмотря на конфликты с местными властями, требовавшими классового подхода при распределении выгодной работы по заготовке и сплаву леса, налаживались старые связи с артельщиками. Голландцы вложили солидные средства в обновление предприятия, а также в социальную сферу и благоустройство заводских поселков. Выполняя требования профсоюзов, строили дома

⁴² ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 3. Д. 310. Л. 3–12; ГААО. Отдел документов социально-политической истории (далее – ОДСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 6.

⁴³ Иностранные концессии в СССР... С. 214.

⁴⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 372. Л. 5–9.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 3. Д. 18. Л. 6–18.

⁴⁶ Там же. Д. 19. Л. 25–44.

для рабочих и создавали необходимую социальную инфраструктуру. Уже в первый год работы общество отчитывалось постройкой жилья, пекарни, столовой, прачечной, «народного дома с кинобудкой, спортивной и двух детских площадок, школы»⁴⁷.

Но представителей «Северолеса» тревожили объемы средств и материалов, выделяемых на непроизводственное строительство. Концессионеров подозревали в манипуляциях, поскольку, отчитываясь строительными работами, они могли списывать на них ценную экспортную древесину. Операционный 1922/23 г. «Русголландлес» закончил с прибылью — 6591 фунтов, из которых по решению акционеров 4 тыс. были присоединены к основному капиталу⁴⁸.

Голландцы выполнили свои обязательства, вложив значительные средства (600 тыс. руб., что составляло 45% акционерного капитала, образованного от реализации национализированных лесоматериалов) в переоборудование лесопильного завода. С января 1924 г. вступил в строй построенный согласно договору второй завод. Годовая производительность заводов была довольно внушительная, превышая потребности по обработке древесины с концессионной площади, но в реальности предприятия давали только четверть от объема производства, работая четыре месяца в году из-за отсутствия сырья⁴⁹.

Признавая ряд безусловных достижений голландцев, которым удалось за короткий срок значительно повысить производительность заводов по сравнению с предвоенной; существенно поднять производительность труда, сократив количество брака; рационально использовать древесину, благодаря чему выход экспортного товара у них был «выше, чем у других концессионных предприятий в лесной отрасли», отмечалась и более высокая себестоимость продукции, что усугубляло общие для концессионеров финансовые проблемы⁵⁰.

Затем положение стало осложняться ускоряющимися темпами. «Русголландлес» регулярно не выполнял производственные планы по распиловке экспортной древесины; уже в сезон 1924/25 г. пытался в обход договорным обязательствам освободиться от заготовки леса, ссылаясь на необходимость закончить переработку имевшегося сырья. Это угрожало не только сокращением экспорта, но и безработицей для рабочих и крестьян-лесорубов. Приходилось, с одной стороны, идти на новые уступки концессионерам, с другой — более строго с них спрашивать.

В 1925 г. «Русанглолес» «фактически продал заготовленное сырье и закрыл завод». Заводы «Русголландлеса» с весны 1926 г. тоже остановились из-за отсутствия сырья. Причиной был назван недостаток рабочих рук, с чем тогда столкнулись все лесозаготовительные организации: из-за конкуренции между лесозаготовителями в малолюдном крае крестьяне не торопились наниматься на работу в ожидании повышения расценок⁵¹.

Для концессионных предприятий были введены особо льготные условия найма, но обеспечить свои заводы сырьем им не удавалось. Тяжелое финансовое положение заставляло концессионеров в нарушение договоров настаивать на разрешении экспорта круглого леса, при том что из-за систематического нарушения производственных планов по заготовке лесоматериалов заводы простаивали, лишая рабочих заработка, а государство — получения экспортных пошлин.

К 1925 г. обозначился стабильный список взаимных претензий. Иностранцы концессионеры заявили Л.Б. Красину, советскому полпреду в Англии, активному стороннику концессионной формы привлечения иностранных инвестиций, что у них «нет возможности регулярно получать кредиты за границей, а сборы и повинности таковы, что работать сложно»⁵². Платежи по социальному страхованию рабочих, содержанию профсоюзной организации, финансированию культурно-просветительской работы назывались

⁴⁷ ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 782. Л. 15.

⁴⁸ Там же. Л. 59.

⁴⁹ Там же. Ф. 554. Оп. 1. Д. 259. Л. 237–237 об.

⁵⁰ Там же. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1246. Л. 180–186.

⁵¹ Там же. Ф. 554. Оп. 1. Д. 262. Л. 1.

⁵² РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 3. Д. 1311. Л. 40–53.

обременительными, и после жалоб и ходатайств для концессии устанавливались нормы, равные государственным трестам.

Как экспортеры, они теряли на невыгодном курсе советских денег, обосновывая этим требование новых льгот. Им выделили дополнительные лесные участки, чтобы выполнить производственное задание. «Учитывая конъюнктуру», решено было поддержать концессионные предприятия льготами, дабы «озаботить» иностранных концессионеров увеличением оборотного капитала⁵³. Однако в определении размеров льгот обнаружилось резкое расхождение между иностранной группой и русской стороной⁵⁴.

Об отрицательных сторонах смешанных обществ, каковым являлся «Русголландлес», говорилось в справке Президиума ВСНХ СССР от 7 марта 1927 г.⁵⁵ Основной была их двойственность, когда в зависимости от обстоятельств они требовали то соблюдения своих прав как иностранных концессионеров, то предоставления им льгот как частично имеющих статус госпредприятий. Отсюда проистекала мягкость формулировок договоров по обязательствам иностранцев — как по производству, так и по инвестициям, потому что уставный капитал обществ в равной доле вносился и советским государством. То же касалось коллективного договора, смягченного как для государственного предприятия. Советские члены правлений выступали защитниками интересов обществ перед правительственными инстанциями, не было четкого разграничения интересов правительства и концессионеров, создавая опасность недостаточно продуманных решений, когда положение советских директоров смешанного общества обязывало их защищать его коммерческие интересы. Но на тот момент ВСНХ считал, что ключевое достоинство смешанных обществ — способность государства влиять на работу и контролировать ситуацию на производствах — может перевесить отрицательные организационные черты таких предприятий; смешанные общества себя еще не изжили.

Контрольные комиссии отмечали нарушения правил эксплуатации концессионных участков: неполное использование древесины на делянках, отказ от фаутного (дефектного, низкосортного) леса⁵⁶. Агентов «Русголландлеса» уличали в обходе существовавших в СССР правил эксплуатации лесов, в подкупе должностных лиц с целью получить более удобные для заготовок участки⁵⁷. Вызывали сомнение непроизводственные расходы: «изъятие купных средств на аппаратные затраты, на ремонт и переоборудование имущества»⁵⁸, на строительство рабочего поселка с жилыми домами, школьными, клубными и прочими зданиями. Но главные вопросы касались финансирования и финансовой отдачи.

Для советской стороны иностранные концессии были важны прежде всего тем, что через них привлекались иностранные инвестиции. Существовало мнение, что «своим» иностранные банки дадут кредиты скорее и на лучших условиях, чем советским предприятиям. Вопреки ожиданиям, первый же полученный «Русголландлесом» в 1923 г. заграничный кредит в 75 тыс. фунтов под продаваемую экспортную доску от венского банка «Братья Гутман» был заключен под 13,7%. В дальнейшем общество продолжало брать займы в европейских кредитных организациях, хотя и под меньший процент, но выше обычного на мировом рынке⁵⁹. Коммерческими рисками это не было оправдано.

Концессионные предприятия «Северолеса» могли получить кредит только в брокерских фирмах, выступавших торговыми посредниками, например «В. Брандт и С-ня», уже давно разбогатевшей на русском лесе. Л.Б. Красин объяснял правила этого делового сообщества: «Продать в Англии лес непосредственно потребителю — дело, можно сказать,

⁵³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1246. Л. 184–186.

⁵⁴ Там же. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–24.

⁵⁵ Иностранные концессии в СССР... С. 283.

⁵⁶ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1246. Л. 181.

⁵⁷ Государственный архив Вологодской области. Ф. п-2. Оп. 1. Д. 1253. Л. 70.

⁵⁸ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1246. Л. 180–186.

⁵⁹ ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 666-а. Л. 58; РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1671. Л. 8; *Иозльсон М.* Смешанные общества в районе Северолеса // Лесопромышленное дело. 1924. № 17–20. С. 62–65.

невозможное; там принято покупать от фирм, специализирующихся на торговле лесом»⁶⁰. Процентная ставка при таком кредитовании была выше, чем на рынке банковских услуг. «Северолес» с помощью ARCOS⁶¹ пытался обойти эту устойчивую систему, но без особого успеха. С точки зрения советских ревизий участие в закрытых брокерских клубах открывало путь к злоупотреблениям в торговых операциях за границей. Экономическое управление НКВД даже направляло своих агентов за границу выяснить на месте реальное положение на лесном рынке.

Особое место в ряду причин финансовых трудностей концессий занимают неблагоприятные интервалютные отношения⁶². Официальный российский курс рубля в середине 1920-х годов был 9,4 руб. за 1 ф. ст., тогда как на вольном валютном рынке за фунт давали 14-15 руб.; на валютных биржах за рубежом курс отличался от номинала почти в два раза. При ввозе капитала в СССР иностранные предприниматели теряли значительные суммы на операциях по обмену валюты на червонцы.

В этой ситуации кредитовать общества фактически приходилось «Северолесу», который и сам находился в тяжелом финансовом положении. Смысл этой операции, помимо поддержания предприятий, состоял в том, что ссуда предоставлялась советскими деньгами, а возврат осуществлялся бы в фунтах с существующими в английских банках процентами. В тресте признавали, что «возврат этих сумм весьма проблематичен»⁶³. Советские чиновники оценивали эту ситуацию как забвение принципов концессионной программы: «смешанные общества, в сущности, не акционерные. Они вложили капитал, который им был возвращен из национализированных предприятий, но своих капиталов не дали, еще и просят наших кредитов»⁶⁴.

Усугублению финансовых трудностей «Русголландлеса» способствовали периодически случавшиеся колебания цен на внешнем рынке. В октябре 1923 г. некие спекулянты выбросили на европейский рынок большую партию еловой древесины, создав панику и ослабив твердые позиции шведских и финских экспортеров, понудив «Северолес» так же понижать цены⁶⁵.

В начале 1924 г., как и другие экспортеры, концессионеры страдали от политики сжатия эмиссии червонного рубля, проводившейся для поддержания его курса, что внесло в их инвестиционные, кредитные и иные расчеты «радикальное расстройство».

Снижение отпускных экспортных цен на русскую древесину летом 1925 г. до сих пор не получило полного объяснения. Первые партии были проданы по достаточно выгодной цене, но две последние ушли с резким понижением цен до 15 ф. ст. за «стандарт», что являлось той суммой, с которой, согласно договору, концессионер не платил дополнительные отчисления. Сам «Северолес» в отчете о деятельности своих смешанных обществ объяснял падение выручки забастовкой докеров в Англии и общим падением цен на мировом рынке⁶⁶. На внутреннем рынке падения спроса на лесопродукты не было, цены росли. Это стало поводом к подозрению в наличии махинаций. Комиссия от Главконцесскома по обследованию иностранных лесных концессий в Архангельской и соседних губерниях признала необходимым обследовать реализацию лесоматериалов за границей в связи с имеющейся большой разницей цен⁶⁷.

Гражданин Германии К. Альбрехт (Лёв), приехавший в СССР в 1924 г. и трудившийся в лесной отрасли, в опубликованных по возвращении в уже нацистский рейх книгах

⁶⁰ Красин Л.Б. Внешторг и внешняя экономическая политика Советского государства. Пг., 1921. С. 21

⁶¹ ARCOS (All Russian Cooperative Society Limited) – советская хозяйственная (торгово-финансовая) организация в Великобритании, действовала в 1920–1930-е годы.

⁶² ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 4. Д. 9. Л. 1.

⁶³ ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 414. Л. 5–6.

⁶⁴ Там же. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1246. Л. 167.

⁶⁵ ГААО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 782. Л. 65.

⁶⁶ Там же. Л. 40.

⁶⁷ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1 Д. 1246. Л. 185.

обвинял в демпинге мировых цен на лес в 1926–1928 гг. Сталина. Обстоятельства подготовки его текстов и реальная расстановка сил в советском руководстве 1920-х годов не позволяют воспринимать эти оценки серьезно. Особенности его биографии, переход от левых убеждений к апологетике «подлинного германского социализма», обязывают относиться к ним с осторожностью⁶⁸.

В середине 1920-х годов произошло снижение цен и на другие виды сырья⁶⁹. Тенденцию определили, пожалуй, два фактора: 1) корректировка цен до экономически обоснованного уровня после скачка ажиотажного спроса в 1922 г., связанного с восстановительными работами; и 2) новые технологии добычи и переработки, которые увеличили объем предлагаемого продукта, и на международных и внутренних рынках развернулись настоящие сражения за потребителя, в том числе за счет снижения цен⁷⁰.

Ожидаемые отчисления в советский бюджет не поступали в полном объеме. Вместо планируемых за 1922 г. 489,6 тыс. руб., «Русголландлес» заплатил менее 250 тыс., оставив недоимку на будущий год. Однако в 1923 г. смог заплатить и того меньше — 242 тыс. руб.⁷¹ Согласно справке о состоянии концессий, «Русголландлес» показал самую большую убыточность среди других лесных концессий — около 1 млн руб.⁷²

Тем не менее связывать сворачивание иностранного участия в лесной отрасли только с финансовыми трудностями нельзя. В 1925–1927 гг. проходила стихийно возникшая дискуссия о соотношении задач лесозаготовки и лесовосстановления в управлении лесным хозяйством⁷³; она не имела формального завершения, но критика методов вырубki, адресованная лесопромышленным трестам и косвенно концессиям, в еще большей степени подогрела внимание к экономическим результатам их деятельности.

К 1926 г. выявилась готовность «Северолеса» перейти к конкретным действиям. На общем собрании в июле этого года акционерам было предложено три варианта выхода из создавшегося положения: 1) увеличение оборотного капитала путем выпуска дополнительных акций или получение новых кредитов в западных банках; 2) продажа иностранными держателями своих акций «Северолесу» и таким образом передача управления обществом в руки русской стороны; 3) самоликвидация акционерного общества⁷⁴.

Иностранные акционеры сразу отказались увеличить количество акций, предпочитая продолжать получать кредиты на весьма невыгодных условиях у своих брокеров, что вновь вызвало подозрения у советских чиновников⁷⁵. Была продемонстрирована готовность уйти из России, пусть даже с потерями⁷⁶. В свою очередь, руководство треста заявило, что оно изначально не испытывало интереса к концессиям, а выполняло «задание от Правительства способствовать привлечению иностранных капиталов путем образования концессии... в целях влияния на рынки за границей»⁷⁷. С появлением в 1926 г. специальной экспортной организации «Экспортлес», трест прекратил самостоятельные заграничные торговые операции, и смешанные общества, в том числе «Русголландлес», стали для него весьма затратным и лишним довеском. И когда обе иностранные дирекции потребовали полного пересмотра текста договоров, начался выкуп долей.

⁶⁸ Петров И. От звезды к свастике: история Карла Лёва-Альбрехта // Неприкосновенный запас. 2017. № 6 (116). С. 219–245.

⁶⁹ Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. С. 151.

⁷⁰ Соколов А. К. Советский «Нефтесиндикат» на внутреннем и международных рынках в 1920-е гг. // Экономическая история. Обзор. Вып. 10. М., 2005. С. 109.

⁷¹ Иозльсон М. Указ. соч. С. 62–65.

⁷² ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 215. Л. 87–89.

⁷³ Воейков Е. В. Дискуссия об управлении лесным хозяйством в годы новой экономической политики // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 1. С. 23–32.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 266. Л. 9, 10–11; ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–24.

⁷⁵ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1246. Л. 180–186.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 215. Л. 237.

⁷⁷ ГААО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 414. Л. 5.

По получению от Совнаркома 4 сентября 1926 г. разрешения на выкуп акций «иностранных групп» начались переговоры с акционерами «Русанглолеса» и «Русголландлеса» через представителя ВСНХ в Лондоне Л.Г. Заммеля. Если с английской компанией проблем не возникало, то голландцы «выдвинули совершенно неприемлемые для “Северолеса” условия» — требовали выплатить им 50% номинальной стоимости акций, а не 20–25%, как предлагалось⁷⁸. Надавить на них можно было, опротестовав векселя, которые голландские акционеры вовремя не оплатили (на 450 тыс. золотых советских рублей и 21,3 тыс. ф. ст.). Однако к этому отрицательно отнеслись Торгпредство СССР в Лондоне и Наркомфин в лице «Рабочей подкомиссии при правительственной комиссии СТО по наблюдению за экспортно-импортными операциями», которая признала «недопустимым предъявление к протесту за границей векселей акционерных обществ с участием советского капитала», поскольку это может негативно повлиять на заграничные кредиты для советских организаций⁷⁹.

После двух недель безуспешных переговоров Заммель предложил фирме «Альциус и К°» как главному держателю акций два варианта: или объявление банкротства, или финансовая ответственность по претензиям кредиторов за просроченные советские векселя. Голландские представители заявили, что их более устроит банкротство⁸⁰. Возможно, это был шантаж, рассчитанный на то, что советское правительство на столь рискованный шаг не пойдет. Могло быть и другое объяснение: второй вариант грозил падением стоимости акций общества «Альциус и К°», что делало правление фирмы объектом иска акционеров. Другое дело, если общество будет объявлено банкротом, тогда у него будет оправдание⁸¹. В конце концов голландцы согласились на компенсационные выплаты в размере 25% от номинала акций, которые были оценены при создании смешанного общества в 1922 г., в то время как их биржевая котировка составляла четверть от этого.

После выкупа акций у иностранных держателей предприятия на основании постановления Совнаркома от 22 марта 1927 г. продолжали формально действовать как концессионные⁸². Оставались, видимо, надежды на привлечение через формально сохранявшиеся акционерные общества иностранных инвестиций в связи с разворачивающимися программами индустриализации промышленности. Ликвидированы они были в 1928–1929 гг.

Голландская фирма «Альциус и К°» со своими капиталами ушла с советского Севера не сразу. При ликвидации в 1928 г. смешанного общества «Руснорвеголеса», в котором она состояла крупным акционером, при выкупе акций была поставлена в привилегированное положение. Первоначально советская сторона планировала выкупить их акции за 10,5 тыс. фунтов, что было выше, чем у остальных иностранных концессионеров. Но потом пошла на дальнейшие уступки, выкупив фактически по номиналу за 22,5 тыс.⁸³

* * *

Будучи политически нейтральной и традиционно экспортирующей капитал страной, Нидерланды под влиянием особенностей внутриполитической атмосферы меньше других участвовали в концессионной программе СССР. Мотивами для пересмотра первоначально негативного отношения к предложениям о вложении капитала в советскую экономику стали поддержка единоверцев (сельскохозяйственное предприятие «Голландия – Украина») и приобретение доступа к национализированной на территории Советской России собственности для ее скорейшей реализации.

Договоры о лесных концессиях были важны для советской стороны «прежде всего как разрыв блокады». Используя эти мотивы, лесопромышленники, помимо доступа к национализированной собственности, отказывались от предоставления в концессию удаленных

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 3. Д. 161. Л. 5–7.

⁷⁹ Там же. Д. 266. Л. 9.

⁸⁰ Там же. Л. 9, 13.

⁸¹ Там же. Л. 10–11.

⁸² Там же. Д. 446. Л. 5.

⁸³ Там же. Д. 373. Л. 9–10, 11.

от транспортных путей, трудных для разработки лесоучастков; получив в пользование самые удобные участки, продолжали требовать новых льгот и послаблений в лесозаготовительном деле.

Экономико-финансовые учреждения Нидерландов влияли на концессионную деятельность на территории СССР, помимо непосредственного участия в торгово-производственной сфере. На голландских биржах закупалась по выгодным ценам советская валюта и переводилась вопреки договорам на личные счета директоров иностранных предприятий, чем затруднялся финансовый контроль деятельности иностранных предприятий. Высшей инстанцией при разрешении спорных вопросов в договорах значилась Постоянная палата третейского суда в Гааге⁸⁴.

«Русголландлес» начал дело в России, не планируя вложения достаточного для этого капитала, хотя общая экономическая ситуация в Голландии была благоприятной. Да и эти ограниченные капиталы тратились непредусмотрительно. Развитию убыточности способствовала динамика мировой конъюнктуры на лесные материалы. Колебания мировых цен продолжались до конца 1920-х годов и не могли не усилиться в период мирового экономического кризиса. С международно-экономической точки зрения эти глобальные процессы подвели черту под развитием концессионного дела в СССР. Когда в 1931 г. британский фунт обесценился, а Германия ввела валютные ограничения, Нидерланды также оказались втянуты в нисходящую экономическую спираль.

Библиография

- Бауман Г.Г. Рабочее и социалистическое движение в Нидерландах (1861–1918). Ростов-на-Дону, 1975.
- Булатов В.В., Загоруйко М.М. «Некапиталистические» иностранные концессии в СССР // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 51–58.
- Воейков Е.В. Дискуссия об управлении лесным хозяйством в годы новой экономической политики // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 1. С. 23–32.
- Геерт М. Нидерланды. Каприз истории / пер. с нидерл. А.К. Игнатенко. М., 2013.
- Данишевский К. Северолес // Северолес. 1922. № 1. С. 2–4
- Джонсон П. Современность: мир с двадцатых по девяностые годы. Т. I. М., 1995.
- Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1963.
- Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990.
- Иностранные капиталы в лесной промышленности // Лесопромышленное дело. 1922. № 3–4. С. 18.
- Иностранные концессии в СССР (1920–1930). Документы и материалы. М., 2005.
- Иозльсон М. Смешанные общества в районе Северолеса // Лесопромышленное дело. 1924. № 17–20. С. 62–65.
- Красин Л.Б. Внешторг и внешняя экономическая политика Советского государства. Пг., 1921.
- Петров И. От звезды к свастике: история Карла Лёва-Альбрехта // Неприкосновенный запас. 2017. № 6 (116). С. 219–245.
- Пятаков Г.Л. Концессионная политика в лесном деле // Лесопромышленное дело. 1923. № 5–6. С. 1–6.
- Русско-норвежское общество // Северное хозяйство. 1923. № 7. С. 106.
- Сидоренко Л.В. История малых стран Европы. Учебное пособие. Ч. 1. Государства Бенилюкса (Нидерланды, Бельгия, Люксембург). СПб., 2014.
- Соколов А.К. Советский «Нефтеиндикат» на внутреннем и международных рынках в 1920-е гг. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 10. М., 2005.
- Фаас В.В. Лесной экспорт СССР // Труды по лесному опытному делу. Вып. 1 (LXXV). Л., 1929. С. 123–135.
- Griffiths R. T., Jong J. de. De maat genomen // De Nederlandse economie in de negentiende eeuw. Bijdragen en Mededelingen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden. 2002. D. 117. № 3. P. 352–363
- Ostasheva N. V. Die südukrainischen Mennoniten auf der Suche nach einem “dritten”, genossenschaftlichen Weg 1921–1926 // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. 1995. № 5. P. 38–53.

References

Bauman G. G. Rabochee i socialisticheskoe dvizhenie v Niderlandax [The labor and socialist movement in the Netherlands] (1861–1918). Rostov-on-Don, 1975. (In Russ.)

⁸⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1628. Л. 350; Д. 1677. Л. 126–128.

Bulatov V.V., Zagorul'ko M.M. “Nekapitalisticheskie” inostrannye kontsessii v SSSR [“Non-capitalist” foreign concessions in the USSR] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Volgograd State University. A series of History, Regional Studies, International Relations]. 2012. № 1(21). S. 51–58. (In Russ.)

Danishesky K. Severoles [Severoles] // Severoles. 1922. № 1. S. 2–4. (In Russ.)

Dokumenty vneshnej politiki SSSR [Documents of the Foreign Policy of the USSR]. T. 7. Moskva, 1963. (In Russ.)

Dongarov A.G. Inostrannyi kapital v Rossii i SSSR [Foreign capital in Russia and the USSR]. Moskva, 1990. (In Russ.)

Faas V.V. Lesnoi eksport SSSR [Forest export of the USSR] // rudy po lesnomu opytному delu [Proceedings of the on forest experimentation]. T. 1 (LXXV). Leningrad, 1929. S. 123–135. (In Russ.)

Geert M. Niderlandy. Kapriz istorii [Netherlands. Caprice of History] / per. s niderl. A.K. Ignatenko. Moskva, 2013. (In Russ.)

Inostrannye kapitaly v lesnoi promyshlennosti [Foreign capital in the timber industry] // Lesopromyshlennoe delo [Forestry Engineering]. 1922. № 3–4. S. 18. (In Russ.)

Inostrannye koncessii v SSSR (1920–1930). Dokumenty i materialy [Foreign Concessions in the USSR (1920–1930). Documents and materials]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Ioelson M. Smeshannyye obshchestva v rajone Severolesa [Mixed societies in the area of Severoles] // Lesopromyshlennoe delo [Forestry Engineering]. 1924. № 17–20. S. 62–65. (In Russ.)

Johnson P. Sovremennost': mir s dvadtsatykh po devyanostye gody [Modernity: The World from the Twenties to the Nineties]. T. 1. Moskva, 1995. (In Russ.)

Krasin L.B. Vneshtorg i vneshnyaya ekonomicheskaya politika Sovetskogo gosudarstva [Vneshtorg and foreign economic policy of the Soviet state]. Petrograd, 1921. (In Russ.)

Petrov I. Ot zvezdy k svastike: istoriia Karla Leva-Al'brekhta [From the star to the swastika: the story of Karl Lev-Albrecht] // Neprikosvennyi zapas [An inviolable supply]. 2017. № 6 (116). S. 219–245. (In Russ.)

Pyatakov G.L. Koncessionnaya politika v lesnom dele [Concession policy in forestry] // Lesopromyshlennoe delo [Forestry Engineering]. 1923. № 5–6. S. 1–6. (In Russ.)

Russko-norvezhskoe obshchestvo [Russian-Norwegian Society] // Severnoe khoziaistvo [Northern Economy]. 1923. № 7. S. 106. (In Russ.)

Sidorenko L.V. Istoriia malykh stran Evropy. Uchebnoe posobie. Ch. 1. Gosudarstva Beniliuksa (Niderlandy, Bel'giia, Liuksemburg) [History of small countries of Europe: study guide. Ch. 1. Benelux States (Netherlands, Belgium, Luxembourg)]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)

Sokolov A.K. Sovetskij “Neftesindikatsiya” na vnutrennem i mezhdunarodnykh rynkakh v 1920-e gg. [Soviet “Neftesindikatsiya” on domestic and international markets in the 1920s] // Ekonomicheskaya istoriia. Obozrenie [Economic History: review]. T. 10. Moskva, 2005. (In Russ.)

Voeikov E.V. Diskussii ob upravlenii lesnym khoziaistvom v gody novoi ekonomicheskoi politiki [Discussion of forest management in the years of new economic policy] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki [Izvestia Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. A series of Historical Sciences]. 2020. Vol. 2. № 1. S. 23–32. (In Russ.)

Griffiths R.T., Jong J. de. De maat genomen // De Nederlandse economie in de negentiende eeuw. Bijdragen en Mededelingen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden. 2002. D. 117. № 3. P. 352–363.

Ostasheva N.V. Die südukrainischen Mennoniten auf der Suche nach einem “dritten”, genossenschaftlichen Weg 1921–1926 // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. 1995. № 5. P. 38–53.